

Давненько не собиралось в храме музыки столько публики, далекой от музыки. На это и рассчитывали?

Юбилейный концерт, посвященный дню рождения Марины Цветаевой, «пасли» пять организаторов и шесть (!) спонсоров. Денег на рекламу не жалели. Афиша вызвала обморок. «...Шуберт, Саульский, Покидченко». Замысел легко прочитывался: классики были прикрытием.

Студент композиторского отделения Московской консерватории Александр Покидченко написал... Что? Цитирую программу: «Лабиринт» — сцена для меццо-

Не юбилейте —

Мое. кассетное. — 1992. — 20 окт.
пожалейте классиков!

сопрано, тенора, органа и симфонического оркестра по трагедии М. Цветаевой «Ариадна». «Сцену» хотелось исполнить на самой престижной в мире сцене Большого зала консерватории. Самый шик! Приближался юбилей Цветаевой. Покидченко развил бурную деятельность (служебное положение в телерадиокомпании позволяло). Требовалось соответствующее окружение. И наполнение: из одной «сцены» концерт не выстроишь. Вспомнилось, что мать Цветаевой любила «Неоконченную» симфонию Шуберта. Прибавить к ней популяр типа «Аве, Мария» и что-нибудь цветаевское — первое отделение концерта готово. Начали. И...

Вышла литературовед Доброслава Донская, не прославленная трудами в области цветаеведения, и доходчиво объяснила публике, что Пушкин был пророком, Некрасов — гражданином, а Цветаева — тем и другим. Очень хорошо читала фрагменты прозы Цветаевой Наталия Журавлева (единственная отрада за вечер). Оркестр музыкального центра Стаса Намина играл весьма посредственно. В музыкантских кругах у этого молодого коллектива репутация «палочки-выруча-

лочки»: играют все подряд. Крупным помолом — и классиков, и современников. Шуберту, конечно, все равно: смотрит молча с портрета. А Покидченко доволен самым фактом: его сыграли и спели. И кто спел!

Я терзалась догадками: ужель та самая Татьяна (Ерстова)? Солистка Большого, лауреат конкурса Чайковского и т. д.? Она самая, — говорят. А голос не узнать: вся вокальная партия Ариадны потонула в оркестровом сопровождении. Вот энтузиасты! «Бред какой-то», — это композитор Игорь Шор о «шедевре» своего ровесника. Я так круто не скажу, потому что половины не слышала. «Вы, наверно, неудачно сидели?..» — «В восьмом ряду партера!»

Из вокально - органно - симфонического «Лабиринта» мы выбрались довольно быстро — за полчаса. Что дальше? Обычный юбилейный сценарий. Ужель та самая Марина, терзалась я, когда Антонина Кузнецова читала Цветаеву, — нераздельным потоком прозу и стихи? Ужель те самые стихи? Это про Сергея Юрского и Александра Сергеевича Пушкина в русско - французском звучании.

Я все это слышала ровно пять лет назад на юбилее Аркадия Райкина.

Ужель то самое Ламенто? Тут я встрепенулась. Во-первых, дело шло к концу, во-вторых, почти родное имя композитора Юрия Саульского... 19 января 1991 года я сидела в полупустом зале Театра эстрады и слушала эстрадную музыку. Это был концерт, и тоже именной, но не персонально, а коллективно: он проходил в рамках фестиваля «Единение» и посвящался дружбе народов и музык СССР (тогда еще СССР). Это была сборная солянка, но трехминутное Ламенто для флейты и эстрадного оркестра Ю. Саульского запомнилось: за дирижерским пультом стоял автор в умопомрачительном костюме. За кулисами выяснилось, что из Америки. Подошла к Саульскому, восхитилась новым сочинением и костюмом. Поговорили о «Единении» и единении — в памяти были свежи январские события в Литве. Я сказала: «Ваше Ламенто хорошо аккомпанирует сегодняшним настроениям передовой интеллигенции».

И вот опять звучит то самое Ламенто (в переводе — жалоба, стон), но если в прошлый раз по случаю дружбы народов, то нынче по случаю дня рождения Цветаевой. Хорошая пьеса, задушевная и простая для исполнения — хоть эстрадным составом, хоть симфоническим. Через два года грядет столетие сестры Цветаевой — Анастасии, можно будет в третий раз исполнить. Но только без Шуберта!

Галина ТЮРИНА.